

УДК 81-112.2; 81-114.2

БОГ КАК ОБЪЕКТ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П.ЧЕХОВА

© Л.Б.Савенкова

В статье утверждается, что для Чехова нехарактерно философское осмысление Бога как онтологической категории. Анализируется отражение концепта Бог в сознании персонажей Чехова.

Ключевые слова: А.П.Чехов, онтология, бог, обыденное сознание.

В письме А.С.Суворину 25 ноября 1892 г., размышляя о писателях своего поколения, А.П.Чехов так сформулировал их настроения: «Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь» [1: V, 133]. Здесь как будто прямо высказано чеховское отрицание Бога как сущности, хотя и можно задаться вопросом: что подразумевал писатель, написав слово *бог*? Шла ли речь об отсутствии некоей единой идеи, ради которой и должен (или, по крайней мере, стремится) вступать в диалоги с читателем автор, или имелся в виду Бог как «творец неба и земли и Промыслитель вселенной» [2: 96]? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, поскольку, с одной стороны, в том же предложении с утверждением «бога нет» соседствуют тезисы об отсутствии у российских писателей – современников А.П. Чехова – политики и веры в революцию (область социальных идей) и предшествуют этому слова: «У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати» [1: V, 133], с другой же – формулируется мысль об отсутствии у упомянутых писателей страха перед сверхъестественным (привидениями) и неизбежным, не зависящим от человека (смертью). Во втором случае тезис «бога нет» приходится считать относящимся к трактовке религиозного аспекта проблемы.

Если определять онтологию как «максимально общую характеристику реальности как целого, то общее, что содержится во всех предметах, явлениях и артефактах мира, то, что объединяет их, позволяя нам сказать: этот мир» [3: 187], то, рассуждая об отношении А.П.Чехова к Богу как онтологической категории, следует признать, что вряд ли у этого писателя возможно отыскать взгляд на Бога как на бытие. Несмотря на то что А.П.Чехов не отрицал своей принадлежности к христианам, он расценивал эту принадлежность скорее как формальный признак, чем как жизненное кредо. «По-моему, величать себя православным волей и неволей должен всякий, у кого это слово прописано в паспорте. Веруете Вы или

нет, князь мира Вы или ссыльнокаторжный, Вы в обиходе все равно православный», – подчеркивал он в письме А.С.Суворину 18 ноября 1891 г. [1: IV, 296].

Еще в 1904 г. в лекции С.Булгакова [4], а в конце XX века – в монографии М.М.Дунаева «Православие и русская литература» [5] излагается мнение о Чехове как о писателе с христианским взглядом на мир, это отнюдь не означает, что писатель ощущал себя ортодоксальным христианином, а Бога – творцом и первоосновой всего сущего. Конечно, Чехов принимал нравственные идеалы православия и осуждал людей, которые к ним не стремятся, ср. в письме к А.С.Суворину 18 октября 1888 г.: «Беда <...> не в том, что мы ненавидим врагов, которых у нас мало, а в том, что *недостаточно любим ближних*¹, которых у нас много, хоть пруд пруди» [1: III, 36]. Особенно резко он отзывается о людях, которые не только подчеркивают свою принадлежность к христианам, но и претендуют на роль примера для подражания. Так, в письме к А.С.Суворину 7 мая 1889 г. писатель замечает: «Что же касается разврата, то за утонченных развратников, блудников и пьяниц сльвут не Сиксты и не Менделеевы, а поэты, *аббаты и особы, исправно посещающие посольские церкви*» [1: III, 209]. В письме к Е.М.Шавровой 6 апреля 1892 г. автор акцентирует внимание на главной, по его мнению (и, как он полагает, по мнению современного ему общества), роли Бога в жизни людей – быть мерилем нравственности: «По существующим понятиям *бог есть выражение высшей нравственности*. Ему могут быть нужны только совершенные люди» [1: V, 47].

Взаимоотношения людей с Господом предстают в письмах Чехова не в онтологическом, а в гносеологическом ключе. Хотя у него и встречаются фразы, в которых фигурирует бог как сила, распоряжающаяся жизнью человека: «*Все от бога*» [1: III, 188; 1: IV, 296], «*Бог делает умно*» [1: III, 205], «благодарю бога, что он *дал мне силу и*

¹ Здесь и ниже в цитатах курсив наш – Л.С.

возможность пуститься в это путешествие» [1: IV, 101], «все под богом ходим» [1: V, 129], «не обижайте Вашего дарования, которое как никак все же от бога» [1: X, 166], – в этих фразах можно уловить только идею невозможности для человека быть бессмертным или, по крайней мере, распоряжаться собою по собственному усмотрению. Мысль о том, что Бог есть первооснова мироустройства, не звучит. Не случайно наряду с упомянутым «все от бога» в письмах можно увидеть «*futura sunt in manibus deorum*», т.е. *будущее в руках богов* [1: VI, 55; VI, 149], читай – не в руках человека, а о своем физическом состоянии Чехов пишет: «... пока здравствую, уповая на бога и на науку, которой в настоящее время поддаются самые серьезные болезни легких» [1: VI, 140], т.е. ставит некую высшую сущность на одну доску с результатами деятельности человеческого аналитического ума.

У Чехова можно отыскать ряд высказываний о Боге, в которых он предстает как реальная сущность. Например, в одном из уже упоминавшихся здесь писем к А.С.Суворину [1: III, 36] писатель говорит об Иисусе Христе как о носителе объективного мышления в отличие от людей с их субъективностью, однако в чеховском «портрете» Бог выступает как самый совершенный, но – тоже человек, живший на Земле, существовавший или, по меньшей мере, существующий во времени. К такому заключению приводит, во-первых, допущение сопоставления Иисуса Христа с женщиной (««Люби врага, как самого себя», пожалуй, сказал бы Христос, *если бы был женщиной*» [1: III, 36]), во-вторых, использование глагольных форм прошедшего времени: «Христос же, *стоявший* выше врагов, не *замечавший* их, натура мужественная, ровная и широко думающая, едва ли *придавал* значение разнице, какая есть в частности понятия “ближний”» [1: III, 36], в-третьих – выстраивание ряда параллелей, в которых обычный человек, не познавший какую-либо вещь глубоко, противопоставляется субъекту, поднявшемуся на качественно иной уровень ее понимания. В этом ряду Бог – субъект, для которого *ближний* – любой человек, в том числе и враг (в отличие от женщины, противопоставляющей врага ближнему), зоолог – субъект, осознающий единство животного мира (в отличие от обывателя, для которого важна разница между волком и крокодилом), издатель – специалист, вникнувший в механизм газетного дела (в отличие от публики, осмысляющей частности деятельности журналистов), ученый-медик – лицо, постигшее мощь медицины в целом (в отличие от обывателей, приобретших частный неудачный опыт лечения). В этом длинном ряду

образ Иисуса Христа оказывается нужным Чехову лишь для того, чтобы подчеркнуть несомненную объективность позиции Господа в вопросах нравственности. И все же для писателя оказывается важна не эта мысль сама по себе, а лишь возможность апелляции к авторитетам в различных сферах, умеющим думать, анализировать и находить истину (или приближаться к ней). Все рассуждение в итоге создано для того, чтобы сделать вывод: «То же самое и в *беллетристике*. Термин “тенденциозность” имеет в своем основании именно *неумение* людей *возвышаться над частностями*» [1: III, 36].

Человек, таким образом, рассматривается Чеховым как субъект познания, находящийся в поиске истины; правда, процесс познания оказывается для него по большей части безрезультатным, истина – недостижимой и даже путь к ней – неясным. Стало хрестоматийным цитирование чеховского «Ничего не разберешь на этом свете!» [1: VII, 140] и его комментирования в письме к А.С.Суворину 30 мая 1888 г.: «Пишущим людям, особенно художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она все знает и все понимает; и чем она глупее, тем кажется шире ее кругозор. Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед» [1: II, 280-281]. Для писателя отнюдь не очевидно, что человеческое существование подчинено разумному началу и что вообще такое начало существует. Убежденность в этом, как представляется Чехову, – удел неглубоких умов, склонных к «туманным и наивным антипатиям и симпатиям к лицам и ярлыкам, а не к фактам» [1: II, 327]: «Легко быть чистым, когда умеешь ненавидеть черта, которого не знаешь, и любить бога, сомневаться в котором не хватает мозга» [1: II, 327].

Себя как автора Чехов не отождествляет с транслятором идей, вкладываемых в сознание человека Богом. В ответ на суворинскую оценку писателей как «избранного народа божьего» он пишет: «... *не знаю, кто вещает моими устами, бог или кто-нибудь другой похуже*» [1: III, 78]. Речь здесь, естественно, не о том, чтобы отрицать сущность христианства, а лишь о том, что «добрый и умный человек, при всем своем желании принимать от бога жизнь такую, какая она есть, и мыслить о всех по-христиански» [1: III, 266], понимает, что попал в заколдованный круг лицемерия и злобы, и не понимает, есть ли некая высшая субстанция, которая допускает дисгар-

монию и безнравственность повседневности человеческого существования.

Судя по рассеянным в эпистолярной Чехова высказываниям, бог для него – это все-таки не та сила, которая создала и пронизывает собою весь мир, либо направляя его жизнь по какому-то пути, либо отворачиваясь от живущих, а идея, которую человеку следует отыскать, познать и сформулировать для других. Это идея эволюционирующая, меняющаяся вместе с жизнью человечества, время от времени открывающаяся ему, но недоступная ни Чехову, ни его современникам. Говоря о роли писателей в жизни общества, он делит их на имеющих цель и не имеющих ее. Только первые достойны одобрения и только лучшие из них могут дать читателю почувствовать, «кроме жизни, какая есть, <...> еще ту жизнь, какая должна быть» [1: V, 133], т.е., по существу, придать смысл человеческому существованию. Однако этого-то бога и нет, по мысли Чехова, у писателей его поколения. На то, что между возможностью для Чехова употребить слово *бог* в значении ‘идея’, наводит следующий контекст: «...“Нов<ое> время” делало все возможное, чтобы поддержать эту незаслуженную репутацию, и трудно было понять, для чего оно это делало, *во имя какого бога*» [1: VIII, 56].

О важности бога-идеи в существовании каждого человека свидетельствуют и слова, адресованные литератору В.С.Миролюбову: «Нужно верить в бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...» [1: X, 142]. Судя по всему, это идея, связанная с определением нравственной нормы жизни, поскольку искать ее надо «один на один со своею совестью».

А.П.Чехова, герой которого формулирует авторский тезис «Ничего не разберешь на этом свете!», нельзя отнести к чистым агностикам, ведь он не утверждает, что разобрать невозможно ничего и никогда, он предлагает неустанно искать бога, и этим поиском мучительно занимаются его герои – в «Дуэли», «Скучной истории», «Учителе словесности», «Архиерее», «На пути», «Вишневом саде», «Чайке», «Иванове», «Трех сестрах» и других произведениях. Думается, оценочное «ничего не разберешь» следует трактовать как вероятность и даже реальность одновременной справедливости множества идей, к которым приходят разные люди – с их собственным жизненным багажом, опытом познания мира. В этом смысле слова А.С.Собенникова «Чехов заставляет читателя увидеть в житейски-бытовом вечное, бытийное» [6] можно считать верными для всего творчества писателя, который отвергает незыблемость авторитетов и мечтает о

том, чтобы «хотя бы в далеком будущем человечество познало истину настоящего бога – т.е. не угадывало бы, не искало в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре» [1: XI, 106].

Сам Чехов не претендует на роль философа. Он избирает для себя роль зоркого наблюдателя, предлагающего важные вопросы читателю, дело которого – решать их для себя. Эту позицию он изложил в письме А.С.Суворину 30 мая 1888 г.: «Мне кажется, что *не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и т. п.* Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем. *Я слышал* беспорядочный, ничего не решающий *разговор* двух русских людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, *а делать оценку ему будут присяжные, т. е. читатели*» [1: II, 280].

Что же есть бог в восприятии людей, которых *слышит* автор? В рамках небольшого исследования вряд ли возможно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Ограничимся лишь одним аспектом, проследив, какой образ бога возникает в художественном творчестве писателя в тех фрагментах его произведений, которые включают лексему *бог* (с добавлением однокоренной производной лексики *богиня*) или одноименный компонент составного языкового знака – фразеологической единицы либо поговорки. Всего таких употреблений обнаружено 635.

Следует сразу же отделить от основной массы употреблений небольшое число контекстов (12), где слова *бог/боги, богиня* употреблены для отсылки к персонажам античной мифологии.

Еще меньше контекстов, всего восемь, рассматривают бога как субстанцию. При этом упоминание слова *бог* почти всегда связано с отсылкой к христианскому Богу. Любопытно, однако, что большая часть таких контекстов проявляется в одном и том же тексте – драме «Татьяна Репина», все действие которой представляет собой обряд венчания жениха, только что бросившего другую женщину – актрису местной труппы, и невесты, вступающей уже во второй брак. Венчание выглядит как настоящий фарс. Присутствующим хорошо известны обстоятельства женитьбы Сабина, которому следовало бы не венчаться, а исповедаться и замаливать грехи. Однако все наблюдают за обрядом и сплетничают между собой. Трижды Чехов цитирует торжественные слова священника и архиерейского хора с упоминанием Бога. Дважды, в контраст им,

звучат реплики действующих лиц: сначала во время венчания в ответ на замечание молодого актера – «Какие прекрасные слова говорятся мерзавцам!» – другой актер, Матвеев, невозмутимо произносит: «Бог у всех один» [1: XII, 91]. А после окончания действия церковный сторож с недоумением сомневается, есть ли Бог, если он допускает такое кощунство: «Все это зря. И поют, и кадят, и читают, а бог все не слышит. Сорок лет тут служу, а ни разу не случилось, чтоб бог слышал... *Уж где тот и бог, не знаю...* Все зря...» [1: XII, 94]. Смущенный его словами дячок комментирует их: «Зафилософствуй – и ум вскружится» [1: XII, 94], что еще раз подчеркивает: он, как и все присутствовавшие в церкви, понимает, что к Богу и его заповедям прошедшее венчание никакого отношения не имеет, да и не верит он искренне в существование Бога.

В иронической пародии «Мои жены» упоминается о «собственном боге» и «принципах» одной из жен Синеи Бороды. Номинация «собственный бог» здесь выступает в качестве обозначения идеи, но идеи надуманной и неискренней. Жена упрекает мужа в нечестности по отношению к бедным («Нечестно, – говорила она мне, – носить бороду, когда из нее можно сделать подушку для бедного!» [1: IV, 28]), однако, как выясняется, ее собственной принципиальности грош цена: девица решила на брак, польстившись на богатство жениха.

В пьесе «Безотцовщина» слово *бог* также отсылает читателя к идее. В вопросах Платонова, адресованных Трилецкому, – «Какому богу ты служишь, странное существо? Что ты за человек?» – и следующих за ними эмоциональных утверждениях «Нет, не будет из нас толку! Нет, не будет!» [1: XI, 113] ощутимо желание героя проникнуть во внутренний мир, душу собеседника, понять принципы, которым он следует.

В остальных употреблениях слова очевидно почти равновесное деление оценки бога как субъекта действия (302 контекста) и бога как объекта внимания человека (311 контекстов).

Сопоставим характеристики Бога, которые можно выявить из чеховских текстов, с обликом Бога, создаваемым православной религией. Как указывается в «Библейской энциклопедии», Бог считается средоточием духовных совершенств. Он вечен, независим, самобытен, неизменен, вездесущ, знает все, ему присущи высшая мудрость, справедливость, позволяющая вершить правосудие, благость, любвеобильность, святость, обладание истиной, творчество, беспредельное величие и слава [2: 96]. Круг ассоциаций и характеристик, связанных с именем *Бог* у чеховских персонажей, гораздо уже библейского.

Большая часть их проявляется как отражение активности Бога, направленной на человека/людей, или как вербальное воплощение ожиданий людей по отношению к Господу.

Бог-субъект прежде всего выступает как деятель, наделяющий или не наделяющий человека тем, что имеет в своем распоряжении, а распоряжается он всем, ибо *все от бога*, ср.: «Мне двадцать восемь лет, только... Все хорошо, *все от бога*, но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше» [1: XIII, 120-122]. Подобных контекстов около сотни (97), причем в восьмидесяти случаях существительное *бог* соединяется с глаголом *дать* (*бог дал*, *богом данное*, *от бога дадены* (*руки*), *бог даст*, *дай бог*), в том числе и в конструкциях с отрицанием (*не дал бог*, *не дай бог*). Другие слова, сочетающиеся со словом *бог*, также являются глаголами в различных формах: *бог послал/посылает/пошлет*; *бог на душу положит*, *бог обидел / обиженный богом*.

Важным в сознании персонажей оказывается факт поддержки Богом человека. В 73 случаях Бог соприсутствует, благословляет человеческие дела, избавляет людей от неприятностей, спасает их от бед, помогает им, сохраняет их жизнь и здоровье. Эта сторона образа Бога также создается в сочетаниях имени с глаголами или отглагольным существительным (*бог благословит*, *бог в помощь*, *бог помог/поможет/помогай*, *бог сподобил*, *сохрани/храни/да хранит бог*, *спаси/упаси бог*, *бог избавит/избави/избавь*). Частотны здесь и безглагольные конструкции, сформированные по модели «*бог с кем*» или включающие в свой состав сочетание *с богом*.

На третьем месте по активности заполнения стоит группа единиц, которые указывают на реализацию Богом функции контроля, суда человеческого поведения и возмездия за неправедность (60 контекстов). Прерогатива Бога осуществлять правосудие (*суди бог*, *бог судья*) и участь человека-грешника держать ответ (*отвечать/ответить/ответчик перед богом*) связана в сознании чеховских персонажей с мыслью о наказании – как в общем виде (*бог накажет/наказывает/наказал/накажи*), так и с отсылкой к деталям наказания (*бог проклял*, *побей/убей бог*, *разрази бог*). Причем минимальные контексты, несущие идею наказания, количественно преобладают над контекстами, передающими мысль о снисхождении Бога к людям: *бог милостив/миловал/смиловивился*, *бог сжалился/сжалится*. По отношению к грешникам Бог ведет себя по-разному, он может *простить*, *не простить*, *прощать*.

Способность к справедливому суду у Бога обеспечивается его всеведением, способностью

все видеть, слышать, знать (речь об этом идет в 56 контекстах, где слово *бог* соединяется либо с вышперечисленными глаголами, либо с краткими атрибутивными формами *ведомо, известно*).

Следует подчеркнуть, что остальные группы употреблений слова *Бог* или одноименного компонента фразеологической единицы значительно уступают по объему вышперечисленным. На долю переменных или устойчивых сочетаний с компонентом *бог*, способных указать на всемогущество Бога, приходится всего шесть контекстов (*все мы под богом ходим* (3), *отнимет бог жизнь, кто бог великий, человек предполагает, а бог располагает*). О Боге как направляющей силе говорится в четырех случаях: *бог привел* (3) и *не приведи бог. Самыми малочисленными группами* – по три контекста – оказываются отсылающие к характеристике Бога как создателя (*бог создал* (2), *богом созданы*) или Бога как носителя святости и любви (*как бог свят* (2), *Бог троицу любит*).

Когда Бог уступает роль активного начала человеку, действия последнего, нацеленные на Бога (как на объект или адресат), или состояния, чувства, испытываемые человеком, могут быть разнесены по девяти группам. Наиболее объемной из них оказывается группа, указывающая на то, что Бога призывают или желают призвать в свидетели (*ей-богу* – 87, *как перед богом* – 7, *клянись богом* – 7). Близка к ней вторая группа, в которой действующее лицо избирает Бога в качестве идеала поведения и предлагает адресату учитывать этот идеал (*ради бога* – 83, *(Христом) богом молить/умолять* – 5). Достаточно многочисленна по числу контекстов, но минимальна по числу единиц группа, сосредоточивающая внимание на Боге, которого славят: в 50 случаях речь идет о фразеологической единице *слава богу* и в одном – о глагольном сочетании *бога прославлять*. Остальные аспекты отношения человека к Богу воплощаются в малочисленных объединениях контекстов: 29, где речь о возлагании надежд на Бога и адресуемых ему просьбах, молитвах, 16, где говорится о вере в бога и богу (*веровать в бога, верить богу*) и подвластности ему души (*отдать/отдавать богу душу*), о напрасности возражений против воли Бога («О ты, что в горести напрасно *на бога ропщишь*, человек» (цитация одной из од М.В.Ломоносова в тексте «Иванова»), 10, где можно говорить о соизмерении (или необходимости такового) поведения человека с Богом как нравственным эталоном (*чист перед богом, знает бога, бога забывать, перед богом грех* и др.). Еще меньше круг употреблений единиц с компонентом *бог*, указы-

вающих на чувство благодарности всемогущему адресату, их всего девять и представлены они сочетанием с глаголом *благодарить*. Всего 4 единицы напоминают, что перед Богом надо испытывать страх (*бога бояться/побояться/побойтись/не боитесь*). Особняком стоит афористическая формулировка «Все мы у бога приживались», сформулированная старой нянькой Мариной в «Дяде Ване» (Соч.: 13, 106) и подчеркивающая зависимость людей от Бога.

Во всем разнообразии характеристик Бога, которые передаются автором как существующие в обыденном сознании, можно заметить преобладание некоего автоматизма в восприятии фигуры Творца и Вседержителя. Почти никто из героев не рефлексировал по отношению к Господу, произнося его имя. У чеховских персонажей стереотипные и, если можно так выразиться, полустертые представления о боге, о чем свидетельствует количественное превалирование фразеологических единиц с компонентом *бог* над живым употреблением слова *бог* и даже искажение высокого смысла (в юмористическом рассказе «Дочь коммерции советника» выражение *Бог троицу любит* использовано для характеристики приема алкоголя [1: II, 255]).

В целом необходимо подчеркнуть, что если слово *бог* у чеховских героев еще связано в сознании с нравственными категориями, то философскому осмыслению персонажами оно фактически не подлежит. В художественном творчестве писателя, как и в его эпистолярной, Бог как бытие не осмысливается.

*****

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Сочинения в восемнадцати томах. Письма в двенадцати томах. – М.: Наука, 1974 – 1983.
2. Иллюстрированная полная популярная *Библейская энциклопедия* / Труд и издание Архимандрита Никифора. В 4 вып. – Вып. 1. – М.: Типография А.И.Снегиревой, 1891. – 902 с.
3. *Философия* / Под ред. М.Ф.Пахомкиной: Учебно-практическое пособие. – Хабаровск: ХГТУ, 2001. – 243 с.
4. Булгаков С. Чехов как мыслитель // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak17.htm> (дата обращения 15.05.2013).
5. Дунаев М.М. Антон Павлович Чехов (1860–1904) // М.М.Дунаев. Православие и русская литература. – М.: Христианская литература, 1998. – Ч. 4. – С. 527 – 704.
6. Собенников А.С. Чехов и христианство: Учебное пособие. – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 2001. – 170 с. // URL: http://slovo.isu.ru/chekhov_christ.html (дата обращения: 30.05.2013).

GOD AS THE OBJECT OF EVERYDAY CONSCIOUSNESS IN A.CHEKHOV'S WORKS

L.B.Savenkova

The article argues that the philosophic understanding of God as an ontological category is not typical of A.Chekhov. The reflection of the concept of God in the consciousness of Chekhov's characters is analyzed.

Key words: A.P.Chekhov, ontology, God, everyday consciousness.

* * * * *

Савенкова Людмила Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Южного федерального университета.

E-mail: savenkova@sfedu.ru

Поступила в редакцию 03.06.2013